

Было около полуночи, когда я ощутил горьковато-холодный воздух зимы. Новогодняя суета прошла и закончилась. У меня был простор для размышлений, я занималась старой привычкой, разговаривая по телефону с сестрами.

Девочки - близняшки, им на несколько месяцев больше восемнадцати, но в душе они в десять раз старше. Пока они медленно входили в свою собственную жизнь, мы оставались такими же близкими, как и раньше. Видите ли, судьба скрепила наши узы, и ничто и никогда не встанет между нами. И все же, прямо здесь и сейчас, мне казалось, что я нахожусь за миллион миль от них.

Они были дома, в Торонто. Я был за океаном, в городе, который я знал почти так же хорошо.

"Как Лондон?" спросила Эль. Она была самой устойчивой из них двоих; часто она была лидером и всегда была голосом разума... Ну, не всегда, но большую часть времени.

С другой нашей сестрой, Теклой, отвечавшей на заднем плане, я отвечал на десятки вопросов. Каждый ответ начинался со вздоха, когда я жаловалась на то, что нахожусь так далеко.

"Оу, ты так сильно по нам скучаешь?".

Я улыбалась и давала гарантию: "Конечно, я так скучаю! Если бы кто-то предложил мне выбор между миллиардом долларов и возвращением домой, я бы выбрала последнее".

Девочки радостно захихикали, и на несколько секунд наш разговор превратился в праздник любви между братьями и сестрами. Мы были сентиментальной компанией, без сомнения. С тех пор как умер наш отец, мы были всецело посвящены любви и единению. Это раздражало некоторых людей вокруг нас, но они могли отмахнуться от этого. Я не оправдывал себя тем, что привязан к девочкам.

"Кстати, как поживает наша мама?" спросила я, зная, что ответ меня расстроит.

"Наша мама? Ты так говоришь, будто она... Неважно", - отмахнулась Элле.

Текла подхватила то, на чем остановилась наша сестра. "Она в своей комнате - у нее одна из ее плохих недель - но все в порядке. Я имею в виду, она ест и все такое".

Все, что я смогла вымолвить в ответ, это покорное молчание. Бедная мама и бедные девочки. Остались одни с родителем, который не знал, как взаимодействовать с миром.

Мама, конечно, не виновата. Все дело в смерти ее мужа и нашего отца, даже спустя 14 лет. По правде говоря, дошло до того, что нам было трудно простить оставшегося родителя за ее отсутствие. Но это уже история для другого дня...

Девочки готовились ко сну, а я начинала дребезжать в холодном ночном воздухе. Мы сказали "люблю тебя" и "до свидания", и я вернулась в дом.

Дрожь или нет, но мне нравится, как холодный воздух проникает прямо в сердце. Он проникает сквозь кожу, заставляя мою душу дрожать и заставляя жить мои кости. Но потом, при переходе с мороза в теплое чрево красивого здания, ты заново рождаешься.

Мелодраматично? Конечно. Это я.

Вышибала кивнул мне, когда я снова вошла в джаз-клуб, где провела вечер. Чувствуя, как холод сменяется теплом, я подходил все ближе и ближе к музыке. Даже заглушенная стенами между мной и группой, она звучала невероятно.

Заведение - я говорю "заведение", потому что хочу казаться крутым и модным - называлось Laverna: "Богиня воров". Это было такое место, которое я любил больше всех других мест. Мягкий свет и группа создавали удивительную атмосферу. Паренек на барабанах был юным гением - Моцартом своего поколения - в тускло освещенном баре, где он даже не может заказать выпивку. По крайней мере, не крепкий. Нет, его подпитывала диетическая кола и страсть к ритму, ритму, джему... Он руководил остальными участниками группы с хладнокровием и спокойствием.

В каждом джаз-клубе, в каждой городской ночи, мужчине нужна красивая женщина в красивой одежде и с атмосферой опасности. Для меня такой красивой женщиной была Наташа, моя двоюродная сестра, которую я люблю как сестру. Будучи адвокатом в Торонто, я не часто видел ее, молодую медсестру, живущую за океаном. После смерти отца меня отправили к его семье в Великобританию. Мы прожили вместе всего год или два, но с тех пор были лучшими друзьями. Мне было больно, когда я переехала в Швейцарию, и я до сих пор помню тот день, когда я оставила ее с мамой.

Мне было 12 лет, а ей - 9.

Мы плакали.

Воссоединившись, я подошла к ней и смотрела, как она потягивает свой напиток и покачивается в такт музыке. Пряди ее карамельно-каштановых волос падали на лицо, когда ее тело двигалось. Убирая пряди, она увидела меня. Когда она повернула глаза, я увидел в ее темных зрачках любовь, которую так жаль было оставлять позади все эти годы.

"Как твои подружки?" с издевкой спросила Таш.

Я покачала головой. "Неужели это такой грех - быть ближе к своим братьям и сестрам?"

"О, дорогая кузина, я просто хочу выяснить твой тип".

Не думая, я ответила: "Ты в моем вкусе".

Таш покраснела. Как будто ее щеки покрылись едва заметной краснотой, а глаза стали еще ярче. "Почему ты говоришь вещи, которые, как ты знаешь, заставят меня чувствовать себя смешно?"

"Смешно? Я не хотел причинить тебе неудобство, я..."

"Нет. Не это. Знаешь... Наверное, я заслужила это за то, что дразнила тебя из-за твоих сестер", - согласилась моя кузина.

Мои отношения с сестрами были ярко-красной мишенью, которая привлекала внимание всех, кто хотел поддразнить. Наша близость казалась интимной, если не романтической. Конечно, это было не так...

Люди не испытывают таких чувств к своим братьям и сестрам, если только они не сумасшедшие, верно?

Я заставила себя закончить школу раньше, чтобы уехать из Европы и вернуться к своим сестрам. Пока я моталась по миру, они учились в школах самого низкого уровня. Это было несправедливо - несправедливо - и я никогда не понимала, почему они не могли посещать лучшие школы-интернаты. Конечно, у нас не было денег, но каким-то образом мне было позволено получить лучшее образование в мире. Отчасти я задавалась вопросом, не обижаются ли на меня за это мои сестры. В конце концов, они были умнее, но не имели такого доступа.

Я тоскливо вздохнула. Нет... Я вздохнула с тоской. Тем не менее, в ту холодную лондонскую ночь не все было так печально и грустно. Глядя на Таш, я вспоминала радость, которую моя "третья сестра" привнесла в мою жизнь.

Моя кузина продолжала копаться во мне. Это был наш способ общения, и я бы ни за что не изменила его. Очередные уколы были направлены на женщин постарше, с которыми я встречалась дома. Она имела полное право смеяться над этим, хотя и говорила так, будто они были древними.

"Проблемы с мамочкой", - ставила она диагноз.

"Самой старшей было 30..."

"Подождите", - перебила Таш. Ее внимание переключилось с нашего разговора и сосредоточилось на чем-то позади меня. Повернув голову, я бросила взгляд и сразу поняла, почему она смотрит.

Свет в клубе отбрасывал такие черные тени, что казалось, они поглощают пространство. Мои глаза следовали за контурами темноты, пока я не увидел полуосвещенное лицо потрясающей брюнетки. Она держала тяжелую серебряную ручку, которой писала, как мне показалось, стихи.

Она выглядела как тип - тип поэта - тип, от которого у меня перехватило дыхание. Даже в клаустрофобных условиях нашей маленькой музыкальной шкатулки, дымной шкатулки, темной шкатулки... Даже посреди ритма, ритма и танца, ее отношение поразило громче всех.

Женщина была одета в блейзер с золотыми блестками, под которым ничего не было. Нет, ничего, что могло бы прикрыть ее скромность или защитить от январского мороза. Это был образ для вечеринки - она была одна. Это был летний наряд - в самое холодное время года.

Противоречия манят, а контраст притягивает. Поэтому я был заморожен видом этого противоречивого существа.

"Ты должен пойти поговорить с ней", - посоветовала Наташа.

Сначала я запротестовал: "Я не хочу быть тем парнем".

"Да ладно", - надавила моя кузина. "У тебя был тяжелый день на работе. У тебя есть номер в отеле. Ты не можешь взять меня, потому что я твой кузен...".

"Боже! Это еще что сказать", - помрачнела я.

Таш пожала плечами. "Я не имею в виду, что ты хочешь спать со мной. Я просто говорю, что мы не будем спать вместе".

"Ну, если ты так говоришь..."

Я еще раз взглянул на женщину позади меня, допил свой напиток и поднялся на ноги...

Я не дурак, но обычно именно дураки натываются на логово льва. Как только я обернулся, я понял, что она опасна. Она не шутила.

<http://erolate.com/book/1623/48871>